

пнтя. «Думаю,—сообщает бдная женщина,—перейхать к бабушкам. Но, ты сама знаешь, есть ли там мбто? Не представляю, как мы устроили там с дьтми. Еще одна подробно вычсляет свои расхоты и долги; все время рвчь идет о суммах в 1½—2 марки, но пишущая усердно навивает, что тратит так много. «А понимаю,—говорит она,—что теперь надо жить скромнее, моя мать мнб твердит то же, но я не умбу сократит расходы».

Я не буду приводить однообразные выдержки из ряда таких писем. Ограничусь одной серией писем, в которой как бы слились все характерные черты других. Это—письма из Берлина к вьюкому Георгу I, который, очевидно, тщательнее их сорбирует, берет и не рассказывает сыниам. Автор писем подписывается то своим именем, Фрида, то разными ласкательными прозвищами: «Твоя мамочка», «Твоя комечка» и т. п. Мнб жал, что сейчас во время и аа этих столбцах не мбто привести эти письма цдлком. Кроме интереса злободневного, как «письма к врагу», они представляют и вичный интерес, как «человеческий документ» исключительной цдности. Такая асна и красивая душа женщины выступают из этих писем, что, перечитывая их, можно вынести только чувство глубокой симпатии к их автору (женб нашего «врага», убитого на нашем поле),—и это да послужит мнб оправданием, если я процитирую несколько больше, чмь то требуется для характеристики современной немецкой жизни...

Всех писем Фриды у меня 10. Пропускаю менее значительные откровения, я приведу выдержки из других в хронологическом порядке. Как-либо прокомментирую к этим письмам мнб какжутся излишними: они сами говорят за себя.

«Враннб, 20, IX, 1914. Мой глубокий любимый Георг! Пишу тебе сегодня еще одно письмо. В субботу, 26-го, я получаю от тебя открытку и

сейчас же послб этого послала тебе послыку багажем... Надбсь, ты получишь что-нибудь из вещей; письма же надо отправлять постоянно, потому что сообщение (св армией) плохо, а твой адрес на послднем письме опять изменился. Я писала тебе уже много писем и думаю, что ты получил хотя бы половину их... Ах, мое сердце! С какой неизменной любовью думаю я о тебе! Как тяжело для меня и для тебя быть разлученными... Часто мнб кажется, что этого вынести нельзя, такая тоска у меня на душе! Но вынести это надо. С течением времени становился твердой и сильной. Итак, мой любимый, но тревожись за меня. Господь Богб насб не покинет. Богб даст, когда-нибудь придут опять счастливые дни для нас. Моя душевная любовь и Божье благословение всегда будут с тобой и послдуют за тобой чрезь все опасности, чтобы ты могб благополучно вернуться к нам... Если это тебе возможно, радость моя, напиши мнб часто по несколько строк, хотя бы то было лишь одно слово, что ты здоров; и, если с тобой что-нибудь случится, тоже дай знать сейчас же и не дбай каких-нибудь неудобных вещей. Я буду сильной и твердой; вдь я еще молодая. Для насб обоим еще есть будущее. Только бы ты, мой милый Георг, был жив и опять со мной... Потому что твоя смерть будет так же и моим».

«Враннб, 28-го, X, 1914. Мой глубокий любимый Георг! Твое милое письмо, открытки и 20 марок я получила, за что тысяча сердечных благодарностей! Ах, сердце мое! Как я была счастлива, снова услышав от тебя, что ты невреден и здоров. Я тоже здорова, и вь мыслях—всегда сь тобой; но моя любовь к тебе и моя тоска иногда совсемб измодлять меня. Ах, если бы ты вернулся домой! Представь себе, мой милый, это счастье—благославие чаем, когда мы опять будем видеть... Меня очень тревожит то, что ты не получаешь друзей

моих посылок; 21-го я отправила тебе третью,—с съестными. Что ты получишь что-нибудь из вещей; письма же надо отправлять постоянно, потому что сообщение (св армией) плохо, а твой адрес на послднем письме опять изменился. Я писала тебе уже много писем и думаю, что ты получил хотя бы половину их... Ах, мое сердце! С какой неизменной любовью думаю я о тебе! Как тяжело для меня и для тебя быть разлученными... Часто мнб кажется, что этого вынести нельзя, такая тоска у меня на душе! Но вынести это надо. С течением времени становился твердой и сильной. Итак, мой любимый, но тревожись за меня. Господь Богб насб не покинет. Богб даст, когда-нибудь придут опять счастливые дни для нас. Моя душевная любовь и Божье благословение всегда будут с тобой и послдуют за тобой чрезь все опасности, чтобы ты могб благополучно вернуться к нам... Если это тебе возможно, радость моя, напиши мнб часто по несколько строк, хотя бы то было лишь одно слово, что ты здоров; и, если с тобой что-нибудь случится, тоже дай знать сейчас же и не дбай каких-нибудь неудобных вещей. Я буду сильной и твердой; вдь я еще молодая. Для насб обоим еще есть будущее. Только бы ты, мой милый Георг, был жив и опять со мной... Потому что твоя смерть будет так же и моим».

«Враннб, 3-го, XI, 1914. ...Я очень рада, что ты получаешь одну из моих посылок; надбсь, что ты получишь и дбь других. Вь конце недели постараюсь опять послать тебе съестного... Я чувствую себя безгранично покинутой. Ни оть кого не слышу я ласкового слова. Все кругом—люди живые и лишенные сострадания. Стараясь быть доброй, берегу своег себя одной и повторяю свои жалобы лишь четырем стбнам. О, если бы хоть на минуту, мой возлюбленный, ты оказался со мной, чтобы можно мнб было раскрыть чрезь тебя твой свой разум! Хочу быть постоянно твердой и не поддаваться скорби, но мнб не достает опоры, а ею быть ты, о, мое сердце! Мое единственное счастье! Все так мертво вокруг мнб, и так долго должна я быть совершенно одна. Это слышб так тяжело для любящего сердца. Спимкомь я спит с тобой и потому так глубоко все это восприн

имаю... Особой пужды я не испытываю, ты обь этомб не беспокойся. Я устаю только потому, что цднее дни хожу в поисках работы. Я должна что-нибудь зарабатывать, чтобы не дбать долгов. У меня еще есть деньги, но я их беру, чтобы тебе, когда ты вернешься, не пришлось тотчас работать... Только не забывай меня, помни, что на родине тоскуют по тебе любящая тебя, враннб тебе дуна... С квартирной хозяйкой я должна была быть любезной. Затеб, вь Враннб, видишь теперь сколько несправедливости! Преподать всего вь женских комитетах, заправляющих всем. Но обь этомб я не могу рассказывать тебе вь письме; как забь обстоит дбля, я должна буду сообщить тебе устно. Есть женщины, которые получают очень много, а другие—совсемб ничего. Я теперь получаю 21 марки ежемесячно: это—все, что они мнб дают».

(Листок без числа)...С квартирной хозяйкой я должна быть вь хороших отношениях, потому что сь такими личностями никак ничего не добиться... Она собирается списнуть 3½ марки, но только за время войны. Платить ей я стала бы аккуратно, так же как не хочу иметь долгов... Надбсь, что вскорб я получу работу. А получаю, что есть немало женщин, которые не чувствуют войны! Они получают так много денег, что еще могут дбать сбережения! Некоторые получают кровнб того из тбх учреждений, даб служат их мужб, и живут прекрасно. Выясить же счастье никак! А у меня скоро будет новая печаль: бабушка очень плохо. Каждый день можно ожидать конца. Врачб потерпел великую надежду...

(Листок без числа)...С квартирной хозяйкой у меня опять был разговор. Завдующей (чиновник из магистрата?) сказала мнб, что она обязана сдатьб списку, потому что все квартирохозяева уменьшили плату на время войны. Онб стоит на моей стороне, и мои права признаны. Самое большее, что я могу дать ей, это—10 марок. Если она не согласится,

пусть будет, что будет. Не надо склопать голову, надо быть разумной! Если хозяйка привлечет меня вь суть, ей тамб откажут. Она может заставить меня выхажь, но денег она не получит. Пока же я могу еще оставаться вь домб. Не вижу причин, зачбмь выброшу я ей столько денег, когда на время войны все квартирохозяева отдали списку, особенно тбм, у кого мужа—на войну... Ах, многого плаывалась и теперь и многих людей узнала сь неожиданной стороны. Так, я узнала, что г-жа Г.—также лично известная. Эти дни страданий и горестей, позаваль, каковы люди, многих женщин сбдывают больше опытами. На все смотришь теперь другими глазами. По ты, мой возлюбленный, не беспокойся за меня: я со всемб справлюсь. Наша глубокая и враннб любовь друг к другу поможет намб во всеб бытовых наших временах, и мы сь ршмностью их преодолеем. Вдь, наконец, придут и для насб снова счастливые дни! Я надбсь, что мы увидимся сь тобой на Рождестве, так как я очень, очень тоскую по тебе. Цбты, что ты мнб подарил, убжана, еще прекрасны, только одинб одеандр завязать...

«Может-быть, это было послднее письмо Фриды, полученное ее «единственно-любимым Георгом». Не дожидаясь она на Рождество того, что написать она не успевает, так как она не чувствует войны! Онб получает так много денег, что еще могут дбать сбережения! Некоторые получают кровнб того из тбх учреждений, даб служат их мужб, и живут прекрасно. Выясить же счастье никак! А у меня скоро будет новая печаль: бабушка очень плохо. Каждый день можно ожидать конца. Врачб потерпел великую надежду...

Но, чтобы не оставлять читатели полб грустными впечатлениями, я берется для заключения, «quo la bello bonche», есть одно письмо, тоже—оть жены к мужу. Написано оно по очень грамотной, лояльному, простой женщиной, крестьянкой, так как вь письме упоминается полевая работа, пб мбтности, еженой сь Польшей. Несмотря на то, что положение писавшей, какб кажется, дбительно не легкое, и несмотря на возвышенные слова, разбными вь ее рассуждениях, пись

мо производит впечатление далеко не трагическое. Трудно не замарать нескрепость всеб громких восклицаний и уверенй этого своеобразного позания, вь котором причудливо сочетались илменкой протестантской истиннб с практической простонародной практичностью. Вот наиболее характерная мбста этого длинного письма:

«Ноломнен (?) 9, VIII, 1914. Милый муж! Я оть тебя все получила и была очень рада услышать оть тебя, что ты пока еще здоров и вь часбх являешься. Благодаря милости Божьей, я и дбты также здоровы. Германскб тоскуют по тебе и, так как еще не наступил, заставляя колоколь, всегда говорит: это отьб цдет. И мы, хотя, быть-может, ты уже немного больше не вернемся кь намб, но возрадуемся. Мы отпасаем на волю Божью, ибо добрый Богб никогда не оставляет того, кто на него полагается. Потому всегда имбю и Бога предб очамб и вь сердце, так как безь воли Божьей и волеб не складается сь доном. Милый Барг! Когда пробьешь для тебя послдняя минута, если Богб так назначит, ты можешь радоваться, ибо умоляешь смертью героя. Добрый Богб не покинет меня и дбтей, если мы еще останемся вь жизни. Ты же не теряй мужества, ибо добрый Богб всегда сь нами... Вь Поломненб—общая тоска и уныние, так как мы сейчас очень боимся врага. Милый муж! Шуринг Август вь срочку вернуся: онб совсемб отлучился. Кавальчик также вернулся, но потому долженб быть отправиться снова. Сь твоим братомб Фридемб онб побжале Гольдберга домой. Главнб явился вь субботу, послб обда, одбтый, как солдатб, но сегодня, рано утром, ухажь; онб стоит полб Гольдбергом, на польской границб... Ну, мой милый муж, я боже не знаю ничего нового, но ты можешь себе представить, вь какомб ужасб мы дбсь вь живем. Мы должны приласно работать. Роль и Шеннбу мы посбяти: твои компаньоны... Конечно, тысяча приветий оть любящей тебя жены и дбтей, и всбх. До свидания. Если бы увидимся

на этомб сббб, то увидимся мы тамб по ту сторону. Потому проли и умоляю, полагайся твердо на доброго Бога, который уже тебя защитит. Теперь—прощай и ниш, если ты еще останешься вь живых. Сегодня я была вь церкви и молила Бога охранить насб». Кь этому письму написана небольшая приписка. Добрая женщина слышала что-то о существовании двух календарных статей, старого и нового, но не разобрала хорошенько, вь чемб дбля. Зная, что ее мужб—вь России, тббб приплатить другой стблб, она спрашивает его на полях письма: «А что у тебя сегодня тоже воскресенье?»—«Nast du auch heute Sonntag?».

Таковы эти письма, написанные кь тбм, кого больше вь живых; письма вь наших врагамб. Иныеб окнб малочислы, которые посвящены этим письмам, бываюи иногда красочными вь реальных событиях. Мы видим вь этих письмах, что повеселе живется немецкому солдату и повесело его жене, оставшейся дома. Солдаты теряют оть голода, оть холода, оть недостатка табаку; их жены мучительно борются сь пуждой, а общественная помощь («жанде комитеты», которые «заправляют всемб») достается на долю только избранных счастливых... Не это самое важное вь собранных мною письмах. Как бы случайно и как бы мало мое собрание, все-же развб не поразительно, что из 60-ти писем не оказалось ни одного, которое было бы явно энтузиазма, великих надежд, враннб вь национальное дбля? Тотб всбх писемб—унылый, подавленный Гольдберга домой. Главнб явился вь субботу, послб обда, одбтый, как солдатб, но сегодня, рано утром, ухажь; онб стоит полб Гольдбергом, на польской границб... Ну, мой милый муж, я боже не знаю ничего нового, но ты можешь себе представить, вь какомб ужасб мы дбсь вь живем. Мы должны приласно работать. Роль и Шеннбу мы посбяти: твои компаньоны... Конечно, тысяча приветий оть любящей тебя жены и дбтей, и всбх. До свидания. Если бы увидимся

Валерий Брюсов.